

САРКИСЯН Е. Р., СУВОРОВА И. Ю.

АНАЛИЗ НАРРАТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК СПОСОБ ИССЛЕДОВАНИЯ КРИЗИСА ВЗРОСЛОСТИ

РОССИЙСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2022, Т. 19, № 3, 6–20. doi: 10.21702/rpj.2022.3.1

ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 159.922.6

<https://doi.org/10.21702/rpj.2022.3.1>

Анализ нарративной идентичности как способ исследования кризиса взрослости

Елизавета Р. Саркисян¹, Ирина Ю. Суворова²✉

^{1, 2} Московский психолого-социальный университет, г. Москва, Российская Федерация

✉ i.suvorova89@gmail.com

Аннотация: Введение. Статья посвящена применению анализа нарративной идентичности к исследованию структуры эго-идентичности людей, переживающих кризис взрослости. Анализ нарративной идентичности до сих пор применялся для исследования формирования эго-идентичности подростков; в качестве исследования структуры эго-идентичности людей, переживающих кризис взрослости, он применяется впервые. **Методы.** В исследовании приняли участие 80 человек (40 мужчин и 40 женщин, 35–45 лет). Анализ нарративной идентичности выполнялся по алгоритму М. Сейда и С. Нельсона. Надежность получившегося инструментария Каппа $k = 0,69$, что является достаточным показателем. Количественные показатели различия структуры нарративной идентичности вычислялись с помощью хи-квадрата Пирсона, а качественные – с помощью иерархического кластерного анализа. **Результаты.** В результате исследования различий в переживании кризиса взрослости между мужчинами и женщинами выявлено не было. Тем не менее, были выявлены количественные различия в нарративной идентичности людей, не переживавших кризис взрослости, переживающих острых кризис и переживших его в недалеком прошлом. Качественные различия показали, что три структуры отличаются между собой степенью погружения в противоречия и погружением в тяжелые эмоциональные состояния, связанные с ними. **Обсуждение результатов.** Выявленное в ходе исследования отсутствие отличий в переживании кризиса между мужчинами и женщинами противоречит устоявшемуся мнению о том, что кризисы женщин связаны с семейными циклами. Мы предполагаем, что причиной этому может быть 30-летняя разница в полученных данных. Качественные и количественные различия в группах, пребывающих на разных стадиях переживания кризиса, нашли подтверждение как в эмпирических данных, полученных другими авторами, так и в психологической теории.

Ключевые слова: возрастные кризисы, эго-идентичность, нарративная идентичность, кризис взрослости, вытеснение эмоций, качественный анализ, количественный анализ, полоролевые предписания, кластерный анализ, локализация кризиса

Основные положения:

- мужчины и женщины переживают кризис взрослости одинаково;
- структура нарративной идентичности отличается у переживших кризис и не переживавших его: отличия касаются степени принятия противоречия и погружения в тяжелые эмоциональные состояния, связанные с ними;
- анализ нарративной идентичности является адекватным и перспективным методом исследования кризиса взрослости.

Для цитирования: Саркисян, Е. Р., Суворова, И. Ю. (2022). Анализ нарративной идентичности как способ исследования кризиса взрослости. *Российский психологический журнал*, 19(3), 6–20. <https://doi.org/10.21702/rpj.2022.3.1>

Введение

Количество страхов современного человека ничуть не меньше, чем тысячи лет назад. Если древние люди боялись грома, гнева богов и диких животных, то сейчас вместо этих страхов появились многие другие: страх завтрашнего дня, страх старости и страх своей конечности (Verdeş & Rusnac, 2015). Особенно эти страхи актуализируются с переходом от юности к зрелости, когда фантазии и достижения переосмысливаются в контексте ограниченного времени. Причем острота переживаний тем сильнее, чем сильнее выражена социальная конкуренция. Как говорил К. Лэш, современная культура – культура соревновательного индивидуализма, в которой была провозглашена война всех против всех, и погоня за счастьем привела к нарциссической озабоченности (Lasch, 1991). Именно поэтому проблема кризиса взрослости сейчас должна быть актуальной как никогда. Тем не менее пик интереса к проблеме кризиса среднего возраста в России пришелся на 2005–2007 гг., на Западе – на 90-е гг.

Идея кризиса среднего возраста стала популярной в Соединенных Штатах после выхода книги журналистки Г. Шихи «Пассаж» (Sheehy, 1976), описавшей кризис взрослости женщин (Schmidt, 2018). В ответ на пассаж Г. Шихи три ведущих психоаналитика – Д. Левинсон, Дж. Вайллант и Р. Гоулд – постулировали кризис взрослости как исключительно мужскую прерогативу. В связи с этим кризис среднего возраста стал плацдармом для борьбы за признание женщин полноправными участницами социальных отношений, а само понятие «кризис среднего возраста» низвелось до шовинистического клише и потеряло научный интерес (Schmidt, 2018).

В России кризис взрослости исследовался в контексте теорий периодизации психического развития (Выготский, 2000; Эльконин, 2007) без привязки к гендеру. Мы полагаем, что причиной этому послужило нивелирование гендерных различий в Советском Союзе (Ильина, 2014). Тем не менее, качественные исследования, описанные Е. Л. Солдатовой (Солдатова, 2007), указывают на обратное: и мужчины, и женщины переживают кризис взрослости, однако он проходит по-разному и зависит от ролевых предписаний.

Несмотря на снижение интереса к проблеме кризиса взрослости, на данный момент отмечаются пробелы в исследовании данной темы (Oles, 1999), такие, как изменения в эго-идентичности в период кризиса и после его завершения. Так, до сих пор структура эго-идентичности подробно изучалась в контексте подросткового кризиса (McLean, 2005; McLean & Mansfield, 2012), тогда как эго-идентичность людей, переживающих кризис среднего возраста,

осталась не исследованной. Следовательно, *целью данной работы* является построение структуры эго-идентичности человека в контексте кризиса взрослости.

Кризис взрослости как конфликт фантазии и реальности

За всю жизнь мы проходим несколько кризисных периодов, и каждый из них приходит не внезапно, а через накопление неудовлетворенности вследствие расхождений ожидаемого и реально наступившего (Крайг, 2000). Исключительное большинство авторов (Эриксон, 2006; Братусь, 1980; Солдатова, 2007; Levinson et al., 1976) сходятся на том, что в возрасте 30–45 лет в структуре личности человека происходят существенные изменения: время воспринимается по-другому, ощущается его скоротечность; происходит сопоставление фантазий с реальными достижениями человека, а также осознание несбыточности многих целей, поставленных в ранние периоды жизни. Б. С. Братусь отмечает в качестве наиболее яркого проявления кризиса – переживание человеком, осознание угнетающего расхождения между Я-реальным и Я-идеальным, между желаемым и возможным (Братусь, 1980). У этого возраста, в отличие от предыдущих кризисов, есть отличительная характеристика – осознание ограниченности времени и своей конечности. В 1965 г. Э. Жак (Jacques, 1965) выпустил монографию под названием «Смерть и кризис среднего возраста», где эмпирически доказал, что в зрелом возрасте меняется временная перспектива. С возрастом временная перспектива будущего уменьшается и становится центральным мотивационным аспектом, поскольку теперь приходит понимание невозможности реализовать всё задуманное в течение прожитой жизни, и главной задачей становится сосредоточение на самом важном. Трагедия этого периода заключается в том, что люди, воспринимая будущее как ограниченное, вынуждены отказаться от своих фантазий в пользу реальных планов (Freund & Ritter, 2009).

С конца 70-х гг. был поднят вопрос об особенностях переживания кризиса взрослости мужчинами и женщинами. Ввиду различных полоролевых предписаний кризис среднего возраста долгое время рассматривался как удел мужчин (Schmidt, 2018). Д. Левинсон (Levinson et al., 1976) проводил исследования на мужской выборке 35–45 лет. С помощью серии интервью на примере различных биографий был построен взрослый жизненный путь каждого мужчины, включавший покидание родительской семьи, осваивание взрослого мира, оседлый период и переоценку достигнутых результатов и ожиданий. Позже подобные исследования были проведены на женской выборке (Солдатова, 2007). Оказалось, что для женщин более значимым индикатором являются стадии семейного цикла (не переходы 30–40–50-летия, а рождение детей – взросление детей – оставление дома выросшими детьми). Выяснилось, в частности, что перед женщинами стоят те же задачи, но решаются они по-другому: женские мечты о будущем неоднородны (присутствуют различные варианты сочетания карьеры и замужества).

Нарративная идентичность

Рассказы о себе – это не только информация об изолированном эпизоде жизни. В нарративах содержится оценка событий, прослеживаются ценности и фантазии человека, а также его отношение к себе (Habermas & Bluck, 2000). Повествование о своей жизни является механизмом создания непрерывности эго (McAdams, 1988). Идентичность, сформированную через повествование, принято называть нарративной идентичностью.

Впервые феномен нарративной идентичности был описан П. Рикером (Рикер, 1991), но ее концептуальный аппарат был разработан гораздо позже К. Маклин (McLean, 2005, 2008).

Основной идеей К. Маклин, подчерпнутой у Э. Эриксона (Эриксон, 2006) и Дж. Марсии (Marcia, 1993), является то, что идентичность возникает в результате осознания и преодоления противоречий между Я и окружающим миром (McLean, 2005). В качестве примера К. Маклин (McLean, 2008; Суворова, Глебов, 2018) приводит рассказ 17-летней девушки Энни о поворотном моменте в ее жизни. Рассказчица перенесла операцию, и если физически она восстановилась довольно быстро, психологически она потеряла чувство безопасности. Контакты с окружающей реальностью стали переживаться по-другому. Пришлось по-новому осознать себя, узнавать себя заново. Второй рассказ принадлежит 18-летней Саре, которая ушла из университета, в котором мечтала учиться для того, чтобы защитить свои ценности и взгляды на жизнь. Этот осознанный выбор придал ей сил, и теперь, когда она сталкивается со страхом перед защитой своих интересов, она вспоминает тот случай.

Далее последователи К. Маклин предложили метод количественной обработки нарративов (McAdams, 2015; Syed & Nelson, 2015). Поиск единиц кода нарративного анализа представляет собой многоступенчатую процедуру, которая предполагает проведение дополнительных исследований, подтверждающих правомерность выделения тех или иных единиц (Adler et al., 2017; McAdams & Guo, 2015; McAdams & Pals, 2006). Были предложены четыре категории кодировок, варьирующих от исследования к исследованию (McLean et al., 2020): мотивационные и аффективные темы (Tomkins, 1987), автобиографические рассуждения (Adler et al., 2017) и структурные аспекты (Adler et al., 2018).

Предполагается, что мотивационные и аффективные темы, очернение/обеление, согласованность повествования будут отличаться у людей, переживших кризис взрослости и не переживавших его. И, поскольку в предыдущих исследованиях были установлены различия в переживании кризиса взрослости у мужчин и женщин, мы полагаем, что они проявятся в анализе нарративной идентичности. Следовательно, в нашем исследовании выдвинуты следующие гипотезы:

1. Структура нарративной идентичности отличается у мужчин и женщин.
2. Структура нарративной идентичности отличается у переживших кризис и не переживавших его.

Методы

В нашем исследовании принимало участие 80 человек (40 мужчин и 40 женщин, 35–45 лет). Респондентам было предложено написать эссе, включающее ответ на вопрос, был ли в ближайшее время перенесен кризис, а также пересмотрены цели и ценности. После получения ответов на основе собранных нарративов была разработана система кодирования. Статистический анализ включил вычисление различий между парами выборок и иерархический кластерный анализ. Поскольку нарративная идентичность описывается номинальными данными, статистический анализ выполнялся с помощью таблиц сопряженности (хи-квадрат Пирсона).

Разработка и верификация системы кодирования

Параметры для оценки нарративов приведены в приложении 1. Всего было выделено 10 параметров. Для проверки надежности используемой сетки кодов каждый текст оценивался по каждому из параметров двумя оценщиками. Таким образом, каждым оценщиком было получено 800 оценок. Надежность рассчитывается с помощью каппы Коэна (Cohen, 1968) как отношение совпадающих оценок ко всем оценкам по следующей формуле:

$$k = \frac{P_o - P_c}{1 - P_c}$$

где P_o – индекс согласия – отношение количества совпадений к общему числу оценок; P_c – индекс случайности – отношение ожидаемых совпадений к общему числу оценок.

При вычислении k рекомендуют руководствоваться следующей интерпретацией значения коэффициента (Fleiss, 1981): 0,40–0,60 – соответствует минимальным требованиям; 0,60–0,75 – достаточный показатель валидности инструментария; > 0,75 – составленная система кодов является надежным и валидным инструментом. Подставляя наши данные в формулу, получаем следующие результаты (рис. 1):

Рисунок 1

Расчет коэффициента Каппа

$$P_o = (278 + 404) / 800 = 0,85$$

$$P_c = (141,9 + 267,9) / 800 = 0,51$$

$$k = 0,69$$

	Да	Нет	
Да	278 (141,9)	50 (186,1)	328
Нет	68 (204,1)	404 (267,9)	472
	346	454	800

В нашем случае коэффициент $k = 0,69$, что является достаточным показателем надежности инструментария.

Результаты

Частотный анализ показал, что 50 % мужчин (20 человек) и 75 % женщин (30 человек) указали на то, что проходили или проходят кризис. Разница в 25 % в пользу женщин может говорить об их большей чувствительности к своим эмоциональным состояниям. Причем, в отличие от предыдущих исследований, согласно которым жизненные циклы женщин были связаны с циклами развития их детей, в нашем исследовании кризис зрелости женщин в основном

был связан с работой. Семья находится на втором месте. У мужчин кризис в семье и на работе распределился поровну (табл. 1).

Таблица 1

Процентное соотношение сфер локализации кризиса у мужчин и женщин

Локализация кризиса	Мужчины, %	Женщины, %
Семья	25	21,1
Отношения с людьми	25	15,8
Работа	0	26,3
Поиск смысла жизни	0	5,3
Не отмечено	50	31,5

Мы полагаем, что смещение кризиса взрослости у женщин с семьи на работу связано с тем, что сейчас женщины перестали идентифицировать себя только лишь через семейные роли и стремятся занимать должностные позиции наравне с мужчинами.

Если рассматривать основные темы кризиса, то 20 % опрошенных мужчин указали поиск отношений, 15 % – поиск личностного роста, и еще 15 % связали кризис с переломными моментами в жизни: внезапно наступившим чувством неудовлетворенности и запуском поиска. Часто это состояние было названо переломным самими респондентами (см. табл. 2). У женщин в 36 % случаев кризис был связан с поиском профессионального роста. На втором месте (21,1 %) – поиск отношений.

Таблица 2

Процентное соотношение содержаний кризиса у мужчин и женщин

Содержание кризиса	Мужчины, %	Женщины, %
Поиск смысла жизни	0	5,3
Поиск отношений	20	21,1
Поиск вдохновения	5	5,3
Поиск «роста»	15	36,8
Переломный момент	15	5,3
Не отмечено	45	26,2

Несмотря на процентные различия в распределении тем кризиса, при сравнении показателей идентичности у мужчин и женщин по критерию хи-квадрат Пирсона тест не определил различия. Это значит, что мужчины и женщины в целом одинаково переживают кризис взрослости. Гипотеза 1 не подтвердилась.

При сравнении группы людей, переживших кризис, и не переживавших кризис, обнаружили различия по шести из девяти оцениваемых параметров (табл. 3). Это свидетельствует о том, что структура нарративной идентичности отличается у людей, переживших кризис и не переживавших. Гипотеза 2 подтвердилась.

Таблица 3

Сравнение различий в проявлении признаков людей, переживавших кризис и не переживавших

Параметры сравнения	Хи-квадрат	p
Стратегии совладания	12,590	0,006
Эмоциональное сопровождение	13,548	0,001
Результат кризиса	17,435	0,001
Очернение/обеление	12,523	0,001
Временной отрезок кризиса	13,418	0,009
Текущее положение	14,354	0,002

Качественный анализ различий в структуре нарративной идентичности осуществлялся с помощью иерархического кластерного анализа. На рисунке 2 показана структура нарративной идентичности человека, отметившего отсутствие прохождения кризиса.

На рисунке 2 мы видим, что наиболее сильные связи наблюдаются между наличием кризиса, временным отрезком кризиса, результатом кризиса, локализацией кризиса, способом совладания с кризисом и содержанием кризиса. Все темы, касающиеся кризиса, находятся в центре нарративной идентичности. Однако эмоции вынесены за пределы этого центра. Бескризисное переживание 35–45 лет связано с отчужденностью от эмоциональной жизни и нечувствительностью к возникшим противоречиям (в случае, если они возникнут). Пример такого нарратива представлен ниже.

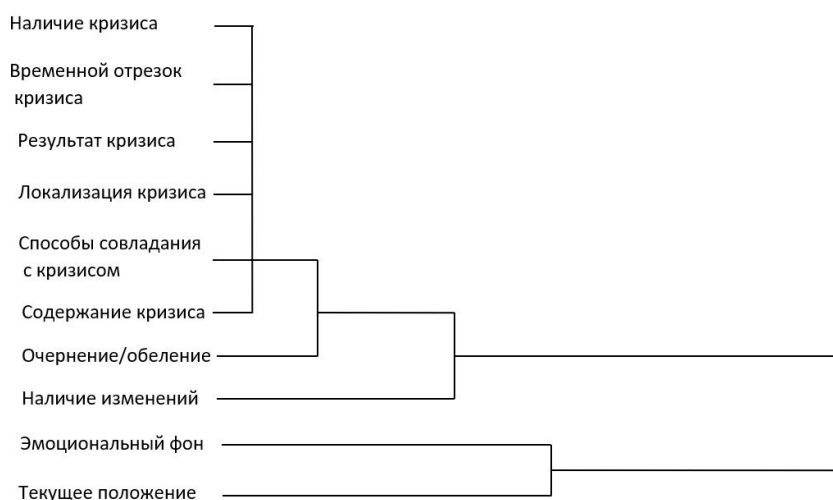
Мужчина, 37 лет: «Не знаю, что изменилось, я живу, где жил, работаю на той же специальности. Развелся, в прошлом году. Только занятие боксом меня как-то развлекает, но без особых планов на карьеру, в этой стезе.

Детей нет, животных не планирую, сейчас живу в съемной квартире, после развода.

Время от времени вижусь с друзьями, но многих я растерял во время супружеской жизни, так что кандидатов не очень много».

Рисунок 2

Кластерный анализ нарративной идентичности людей, не переживающих кризис

На рисунке 3 представлен кластерный анализ нарративной идентичности людей, переживающих острый кризис.

Рисунок 3

Кластерный анализ нарративной идентичности людей, переживающих острый кризис

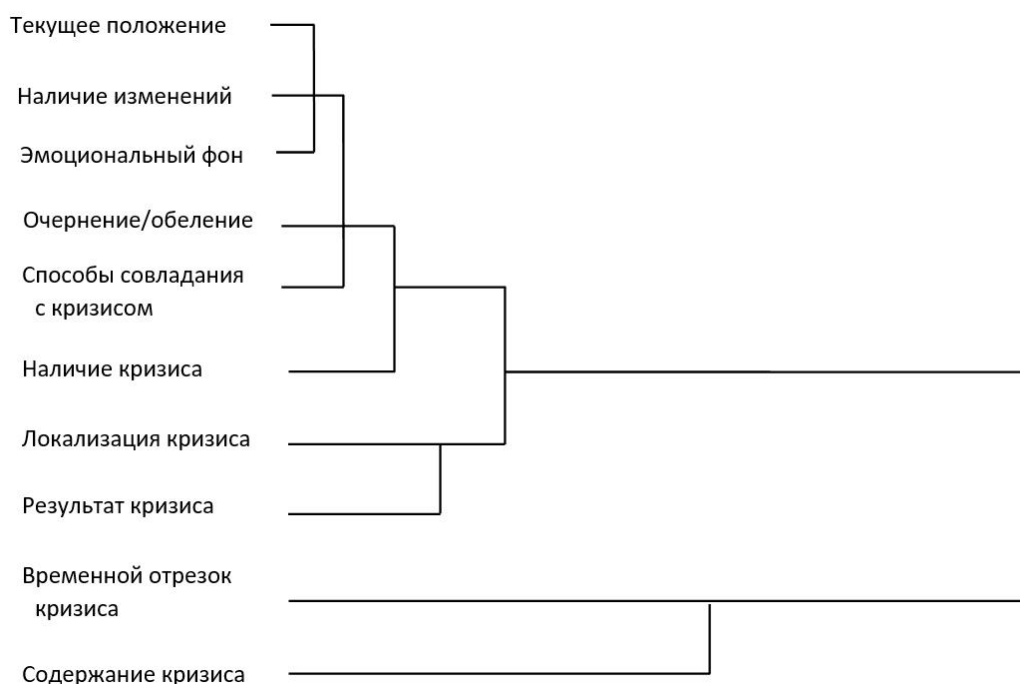
На рисунке 3 наиболее сильные связи обнаруживаются между результатом кризиса, очернением/обелением, наличием кризиса, наличием изменений. В некотором отдалении – эмоциональный фон и локализация кризиса. Способы совладания с кризисом, оценка текущего положения и копинг-стратегии расположены на самой периферии. В отличие от предыдущей структуры, здесь переживание кризиса переплетено с эмоциональными состояниями. Человек на данный момент не видит выхода из возникшей ситуации и эмоционально погружен в острое кризисное состояние. Примером такой структуры может быть нарратив 42-летнего мужчины.

Мужчина, 42 года: «Думаю, я сейчас прохожу кризис и уже давно. Кажется, я в таком состоянии не меньше года. Я понимаю, что у меня отличная работа, машина, родителям я построил дом, и с материальной стороны все отлично, но внутри ощущаю пустоту. Думаю, я что-то упускаю в своей жизни, но пока не знаю, как это изменить, мне нравится путешествовать и быть свободным, но из-за работы я не могу заниматься этим в полной мере, а бросить работу не могу, так как она приносит очень хороший доход, хоть я и не могу сказать, что она мне очень-то и нравится. Да и на здоровье она сказывается не очень».

Наконец, кластерный анализ нарративной идентичности людей, переживших кризис в прошлом, представлен на рисунке 4.

Рисунок 4

Кластерный анализ нарративной идентичности людей, переживших кризис

На рисунке 4 изображена нарративная идентичность людей, отметивших, что они пережили кризис в недавнем прошлом, но считают, что справились с ним. Как видим, всё, что относится к кризису, находится на периферии структуры. Наиболее тесные связи объединили такие категории, как текущее положение, наличие изменений, эмоциональный фон, очернение/обеление и способы совладания с кризисом. Мы видим, что человек, переживший кризис, принимает свои эмоции, изменения, произошедшие с ним. Примером такого нарратива может быть нарратив женщины 38 лет.

Женщина, 38 лет: «Я абсолютно точно проходила кризис и не один.

Но самый запоминающийся был два года назад. Тогда я ушла от мужа и переехала от него. Вообще я давно хотела это сделать, но мне было как-то совестно, ведь он из-за меня бросил семью.

Но всё, я больше не могла его терпеть, я больше его не любила, и это сводило меня с ума.

Теперь я решила предоставить жизнь самой себе.

Я никогда не путешествовала. У нас вечно были планы и траты. То мы строим дом, то покупаем машину и т. д. Я никогда не жила для себя. Всё, надоело. Мы были вместе почти пятнадцать лет, и счастливыми были только первые пару лет. Сейчас я чувствую себя такой свободной, как никогда.

Я понимаю, почему не ушла от него раньше. Мне было некуда идти, осуждение родителей, ну и тот факт, что я разрушила его прошлую семью... Но теперь всё, терпеть уже не было сил. Теперь я свободна и очень счастлива».

Обсуждение результатов

В нашей работе, в отличие от предыдущих исследований (Толстых, 1988; Кулагина, 1999), было показано, что мужчины и женщины в целом одинаково переживают кризис взрослости. Так, в отличие от данных 30-летней давности, согласно которым кризисы женщин связаны с циклами семьи, в нашем исследовании озабоченность карьерой у женщин была даже выше. Причиной этому может быть женская эмансипация, значительно выросшая за последние десятилетия. Однако уже в прошлых исследованиях особое место отводилось тревогам женщин в отношении своего будущего, которые зачастую маскировались тревогами за детей или даже за страну в целом (Скрипачева, 2014). То есть речь шла о механизмах переноса переживания кризиса середины жизни на сферу, в большей степени поддающуюся контролю (дети), либо на сферу, отсутствие контроля над которой очевидна. Еще одной причиной отсутствия различий в переживании кризиса между мужчинами и женщинами может быть малочисленность выборки, не дающей полного представления обо всём разнообразии ответов.

Тем не менее результаты нашего исследования подтверждаются данными других современных исследований. Согласно Е. А. Поздняковой, в период переживания кризиса и мужчины, и женщины устают от работы (56 % мужчин, 62 % женщин), тяжело адаптируются к профессии (33 % мужчин, 43 % женщин) (Бабиянц, Позднякова, 2020).

Далее, нами было установлено, что структура нарративной идентичности отличается у людей, переживших кризис и не переживавших. Три структуры отличаются между собой степенью погружения в противоречия и погружением в тяжелые эмоциональные состояния, связанные с ними: в случае отсутствия кризиса острота противоречий не осознается,

и эмоции, связанные с ней, вытесняются; при остром кризисе человек проваливается в негативные эмоциональные состояния, противоречия переживаются нерешаемыми; после переживания кризиса возникшие в прошлом противоречия разрешаются и интегрируются в структуру личности так же, как и эмоциональные состояния. Наши данные подтверждаются с данными эмпирического исследования С. В. Духновского (Духновский, 2015), согласно которому переживание кризиса середины жизни сопровождается стремлением субъекта отвергать собственные неприятные, негативные эмоциональные состояния и проецировать их на других. Причем это состояние может быть перманентным, когда человек, не решая свои противоречия, постоянно находится в кризисе, приписывая свои негативные состояния последствиям действий окружающих. Такое перманентное кризисное состояние соответствует переживанию кризиса женщинами, замаскированного под заботу о семье и детях, описанного Е. Н. Скрипачевой (Скрипачева, 2014). Опасность его состоит в том, что он не решается, а образует замкнутый круг, где проекции человека формируют неблагоприятную реальность, которая, в свою очередь, только усугубляет кризисное состояние.

Заключение

Целью данной работы было построение структуры эго-идентичности человека в контексте кризиса взрослости. С опорой на существующую литературу о переживании кризиса мужчинами и женщинами мы предположили, что структура нарративной идентичности отличается у мужчин и женщин. А также, опираясь на теорию эго-идентичности Э. Эриксона и теорию статусов эго-идентичности Дж. Марсии, выдвинули гипотезу о различии в структуре нарративной идентичности у переживших кризис и не переживавших его. В результате анализа нарративов обнаружилось, что различий в переживании кризиса мужчинами и женщинами нет. Эти данные противоречат общепринятой информации 30-летней давности. Тем не менее даже в той литературе было отмечено, что одной из причин различий в переживании кризиса мужчинами и женщинами и локализации женских тревог на семью является перенос своих переживаний на членов семьи. Причем этому может способствовать периодически звучащая установка о том, что жизнь женщины после замужества не принадлежит ей самой. Тем не менее данный вопрос нуждается в уточнении на более большой выборке.

Вторая гипотеза нашего исследования подтвердилась: структура нарративной идентичности отличается у переживших кризис и не переживавших его. В результате качественного анализа были выделены три группы: не переживающие кризис на осознанном уровне, находящиеся в остром кризисе и пережившие кризис в недалеком прошлом. Три структуры отличаются между собой степенью погружения в противоречия и погружением в тяжелые эмоциональные состояния, связанные с ними: в случае отсутствия кризиса острота противоречий не осознается, и эмоции, связанные с ней, вытесняются; при остром кризисе человек проваливается в негативные эмоциональные состояния, противоречия переживаются нерешаемыми; после переживания кризиса возникшие в прошлом противоречия разрешаются и интегрируются в структуру личности так же, как и эмоциональные состояния. Результаты нашего исследования подтверждаются эмпирическими данными других авторов, а также «ложатся» на психологическую теорию. Это значит, что нарративный анализ как метод исследования кризиса взрослости оправдан и перспективен.

Литература

- Бабиянц, К. А., Позднякова, Е. А. (2020). Проживание кризиса середины жизни и стратегии совладания с ним у мужчин и женщин. *Северо-Кавказский психологический вестник*, 18(2), 77–91. <https://doi.org/10.21702/ncpb.2020.2.6>
- Братусь, Б. С. (1980). К проблеме развития личности в зрелом возрасте. *Вестник Московского университета. Серия 14: Психология*, 2, 3–12.
- Выготский, Л. С. (2000). *Психология*. ЭКСМО-Пресс.
- Духновский, С. В. (2015). Кризис и его переживание личностью: результаты эмпирического исследования. *Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова*, 21, 30–35.
- Ильина, М. В. (2014). Гендерная проблематика в советских СМИ 60-х годов (на примере Иркутской газеты «Советская молодежь»). *Вестник Иркутского государственного технического университета*, 2, 246–250.
- Крайг, Г. (2000). *Психология развития*. Питер.
- Кулагина, И. Ю. (1999). *Возрастная психология: Учебное пособие* (5-е изд.). Изд-во УРАО.
- Рикер, П. (1991). Какого рода высказывания о человеке могут принадлежать философам. В И. Т. Фролов (ред.), *О человеческом в человеке* (с. 40–59). Политиздат.
- Скрипачева, Е. Н. (2014). *Психические состояния женщин в кризисе середины жизни и возможности их акмеопсихологической коррекции* (кандидатская диссертация). Национальный исследовательский Томский государственный университет.
- Солдатова, Е. Л. (2007). *Структура и динамика нормативного кризиса перехода к взрослости: монография*. Изд-во ЮУрГУ.
- Суворова, И. Ю., Глебов, В. В. (2018). *Методические подходы по изучению структуры идентичности личности человека: учебно-методическое пособие*. Российский ун-т дружбы народов.
- Толстых, А. В. (1988). *Возрасты жизни*. Молодая гвардия.
- Эльконин, Д. Б. (2007). *Детская психология. Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений*. Академия.
- Эрикссон, Э. Г. (2006). *Идентичность: юность и кризис*. Прогресс.
- Adler, J. M., Dunlop, W. L., Fivush, R., Lilgendahl, J. P., Lodi-Smith, J., McAdams, D. P., McLean, K. C., Pasupathi, M., & Syed, M. (2017). Research methods for studying narrative identity: A primer. *Social Psychological and Personality Science*, 8(5), 519–527. <https://doi.org/10.1177/1948550617698202>
- Adler, J. M., Waters, T. E. A., Poh, J., & Seitz, S. (2018). The nature of narrative coherence: An empirical approach. *Journal of Research in Personality*, 74, 30–34. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2018.01.001>
- Cohen, J. (1968). Weighted kappa: Nominal scale agreement provision for scaled disagreement or partial credit. *Psychological Bulletin*, 70(4), 213–220. <https://doi.org/10.1037/h0026256>
- Fleiss, J. L. (1981). *Statistical methods for rates and proportions*. Wiley.
- Freund, A. M., & Ritter, J. O. (2009). Midlife crisis: A debate. *Gerontology*, 55, 582–591. <https://doi.org/10.1159/000227322>
- Habermas, T., & Bluck, S. (2000). Getting a life: The emergence of the life story in adolescence. *Psychological Bulletin*, 126(5), 748–769. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.126.5.748>
- Jacques, E. (1965). Death and the mid-life crisis. *International Journal of Psychoanalysis*, 46, 502–514.
- Lasch, C. (1991). *The culture of narcissism: American life in an age of diminishing expectations*. W. W. Norton.

- Levinson, D. J., Darrow, C. M., Klein, E. B., Levinson, M. H., & McKee, B. (1976). Periods in the adult development of men: Ages 18 to 45. *The Counseling Psychologist*, 6(1), 21–25. <https://doi.org/10.1177/001100007600600105>
- Marcia, J. E. (1993). The ego identity status approach to ego identity. In *Ego identity* (pp. 3–21). Springer. https://doi.org/10.1007/978-1-4613-8330-7_1
- McAdams, D. P. (1988). *Power, intimacy, and the life story: Personological inquiries into identity*. Guilford Press.
- McAdams, D. P. (2015). *The art and science of personality development*. Guilford Publications.
- McAdams, D. P., & Guo, J. (2015). Narrating the generative life. *Psychological Science*, 26(4), 475–483. <https://doi.org/10.1177/0956797614568318>
- McAdams, D. P., & Pals, J. L. (2006). A new Big Five: Fundamental principles for an integrative science of personality. *American Psychologist*, 61(3), 204–217. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.61.3.204>
- McLean, K. C. (2005). Late adolescent identity development: Narrative meaning making and memory telling. *Developmental Psychology*, 41(4), 683–691. <https://doi.org/10.1037/0012-1649.41.4.683>
- McLean, K. C. (2008). Stories of the young and the old: Personal continuity and narrative identity. *Developmental Psychology*, 44(1), 254–264. <https://doi.org/10.1037/0012-1649.44.1.254>
- McLean, K. C., & Mansfield, C. D. (2012). The co-construction of adolescent narrative identity: Narrative processing as a function of adolescent age, gender, and maternal scaffolding. *Developmental Psychology*, 48(2), 436–447. <https://doi.org/10.1037/a0025563>
- McLean, K. C., Syed, M., Pasupathi, M., Adler, J. M., Dunlop, W. L., Drustrup, D., Fivush, R., Graci, M. E., Lilgendahl, J. P., Lodi-Smith, J., McAdams, D. P., & McCoy, T. P. (2020). The empirical structure of narrative identity: The initial Big Three. *Journal of Personality and Social Psychology*, 119(4), 920–944. <https://doi.org/10.1037/pspp0000247>
- Oles, P. K. (1999). Towards a psychological model of midlife crisis. *Psychological Reports*, 84(3), 1059–1069. <https://doi.org/10.2466/pr0.1999.84.3c.1059>
- Schmidt, S. A. (2018). *The midlife crisis, gender, and social science in the United States, 1970–2000* (Doctoral thesis). University of Cambridge. <https://doi.org/10.17863/CAM.20995>
- Sheehy, G. (1976). *Passages: Predictable crises of adult life*. Dutton.
- Syed, M., & Nelson, S. C. (2015). Guidelines for establishing reliability when coding narrative data. *Emerging Adulthood*, 3(6), 375–387. <https://doi.org/10.1177/2167696815587648>
- Tomkins, S. S. (1987). Shame. In D. L. Nathanson (Ed.), *The many faces of shame* (pp. 133–161). The Guilford Press.
- Verdeș, V., & Rusnac, S. (2015). The characteristics of self-actualization of women and men during the adulthood crisis. *Preocupări contemporane ale științelor socio-umane* (pp. 374–381). https://ibn.idsi.md/sites/default/files/imag_file/374-381.pdf

Приложение 1

Коды нарративов

Наличие изменений	Да – 1 Нет – 0
Наличие кризиса	Да – 1 Нет – 0

Способы совладания с кризисом	Нет кризиса – 0 Сам – 1 С помощью других людей – 2 Не осознает кризис – 3
Локализация кризиса	Семья – 1 Отношения с людьми – 2 Работа – 3 Поиск смысла жизни – 4
Эмоциональный фон	Депрессия – 1 Раздраженность – 2
Преодоление кризиса	Не было кризиса – 0 Нет выхода из кризиса – 1 Преодоление кризиса – 2
Результат кризиса	Всем доволен – 1 Не хватает близких отношений – 2 Не реализовался в жизни – 3
Очернение/обеление	Очернение – 0 Обеление – 1
Содержание кризиса	Поиск смысла жизни – 1 Поиск отношений – 2 Поиск вдохновения – 3 Поиск «роста» – 4 Переломный момент – 5
Временной отрезок кризиса	Детство – 1 Пубертат – 2 Юношество – 3 Зрелость – 4 На постоянной основе – 5

Поступила в редакцию: 23.01.2022

Поступила после рецензирования: 14.02.2022

Принята к публикации: 15.02.2022

Заявленный вклад авторов

Елизавета Рубеновна Саркисян – сбор данных, обработка, описание результатов, поиск литературы.

Ирина Юрьевна Суворова – управление проектом, написание теоретической части, редактирование.

САРКИСЯН Е. Р., СУВОРОВА И. Ю.

АНАЛИЗ НАРРАТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК СПОСОБ ИССЛЕДОВАНИЯ КРИЗИСА ВЗРОСЛОСТИ

Российский психологический журнал, 2022, Т. 19, № 3, 6–20. doi: 10.21702/rpj.2022.3.1

ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Информация об авторах

Елизавета Рубеновна Саркисян – бакалавр по направлению подготовки «Психология», ОАНО ВО «Московский психолого-социальный университет», г. Москва, Российская Федерация; e-mail: lizasarkosyan@gmail.com

Ирина Юрьевна Суворова – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии, ОАНО ВО «Московский психолого-социальный университет», г. Москва, Российская Федерация; SPIN-код: 2477-5819, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3804-2129>; e-mail: i.suvorova89@gmail.com

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.